

УДК 82-1/-9

«ВТОРИЧНЫЕ» ЖАНРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

О. А. Сысоева

*Кандидат филологических наук, доцент,
Дальневосточный государственный
гуманитарный университет,
г. Хабаровск, Россия*

THE SECONDARY GENRES IN MODERN RUSSIAN PROSE

O. A. Sysoeva

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Far Eastern State University of Humanities,
Khabarovsk, Russia*

Summary. The article is devoted to the problem of the secondary genre's determination. It shows that remake and sequel represent the new modification of motives and plots of classical texts.

Keywords: genre; the secondary text; remake; sequel; serial.

Исследователями неоднократно отмечалось, что одной из определяющих особенностей русской литературы конца XX – начала XXI вв. является опора на культурные тексты, создание вторичной художественной модели. В западной и отечественной культуре востребованы и коммерчески успешны ремейки и сиквелы – различного рода продолжения произведений, пользующихся популярностью у массовой аудитории. Известны оригинальные интерпретации произведений А. С. Пушкина (Д. Стахов «Генеральская дочка»; Н. Коляда «Тройкасемеркатуз»), Н. В. Гоголя (Н. Садур «Панночка», «Брат Чичиков»; Я. Веров «Господин Чичиков»), Л. Н. Толстого (О. Шишкин «Анна Каренина-2», Б. Акунин «Квест»), А. П. Чехова (драмы Л. Петрушевской, Н. Коляды, Б. Акунина, К. Костенко).

Как отмечает О. Е. Осовский, указанные литературные явления, «... являясь изначально результатом авторской / издательской установки на «вторичность», которая выражается в воспроизведении апробированного набора персонажей и сюжетов...», представляют значительно более «... сложную конструкцию, нежели может

показаться на первый взгляд» [5, с. 28]. Феномен ремейка и сиквела «...выводит своего исследователя на достаточно большой круг литературоведческих проблем – от стилизации и пародии как возможных стратегий сохранения авторского «я» в тексте-имитации до вопросов писательской и читательской психологии» [5, с. 28].

Проблема функционирования «вторичных текстов» тесно связана с явлением сериальности в современной культуре. В. П. Руднев объясняет поворот искусства XX–XXI вв. к серийному мышлению как «...реакцию на усложнившуюся в результате ряда открытий в области теории относительности, квантовой механики, психоанализа...» реальность [6, с. 407]. Согласно мысли ученого, основной прагматический смысл подобного типа мышления – «в рецептивной адаптации»: сериал дробит окружающую реальность «на простые составляющие, что упрощает коммуникативные механизмы художественного текста» [6, с. 407]. Е. М. Тюленева рассматривает серийность как специфический способ миропонимания. Исследователь приходит к очень интересному выводу о трансформации

ощущения реального времени: формируется «некое бесконечное время, в котором настоящее время одновременно предстает как прошлое и будущее»; каждая «последующая серия отсылает как к появлению новых серий, так и к памяти о первой», следовательно «обозначение конечного члена серии невозможно», так как оно неминуемо обернется уничтожением исходного элемента (субъекта или объекта)» [7, с. 26]. Таким образом, бесконечная серийность становится аналогом литературного бессмертия, способом снятия оппозиции «жизнь/смерть». Отсюда принципиальная невозможность завершения сюжета и самого произведения. Воплощением этой идеи стали проект «Новый русский романъ» (издательство «Захаров»), включающий романы Федора Михайлова «Идиот», Льва Николаева «Анна Каренина», Ивана Сергеева «Отцы и дети», ряд произведений серии «Неклассика» (издательство «Столица-Принт»).

Подобного рода тексты свидетельствуют об активном освоении классического наследия современной беллетристикой. Очевидно, что беллетристика подражательна по отношению к серьезной, классической литературе, она эксплуатирует ее достижения для решения не эстетических, а развлекательных и коммерческих задач. Во вторичных жанрах особенно важным оказывается «игра с читателем» (на различных художественных уровнях текста: жанровом, стилистическом, сюжетно-пародийном), требующая глубинного погружения не только в текст читаемый, но и в литературное пространство, этим литературным фактом охваченное. Основная задача беллетристического интертекста – «комфортное узнавание известного в неизвестном, создающее чувство удовлетворенности собственной компетентностью в сфере культурных феноменов» [2, с. 15].

Подобного рода тексты становятся формами «перекодировки» классики. Чаще всего они не просто пародируют классическое произведение, а заполняют старую форму новым оригинальным содержанием. Повышенный вес приобретает организация чисто событийного материала: его расположение, подведение под архетипические модели и сюжетные схемы. В романах практически не изменяются типы характеров, а иногда и имена героев. Модель героя узнаваема читателем, однако она редуцирована, лишена глубины внутреннего мира. Как справедливо замечает М. Загидуллина, литературная классика – это «всеобщий коммуникационный код», универсальный язык, понятный людям разных эпох; ремейк – «верный раб классики, который ... подставляет спину, чтобы она шагнула через него в будущее»; «сам он остается в своей эпохе», «интересный только историкам и социологам литературы» [1, с. 123].

Известный французский социолог А. Моль назвал культуру конца XX века «мозаичной». «Мозаичная» культура сформировала и особый тип восприятия художественной литературы. «Чтение как труд и творчество» (В. Ф. Асмус) уступает место «скорочтению», «беглому чтению». Его целью становится «получение максимума сведений и эмоциональных впечатлений за минимальный отрезок времени <...> В поверхностно-деструктивном освоении литературы существенное значение приобретает количественный фактор, подменяющий глубину проникновения в мир отдельного художественного произведения и культуру читателя в целом «клиповой» эрудицией (знанием имен отдельных писателей, названий «актуальных», «занимательных», «модных» произведений и т. п.)» [3, с. 30]. Как верно замечает В. Г. Мехтиев: «Слово в постмодернистском тексте противостоит всему, в том числе хотя бы его приблизительному адекватному пониманию.

Ценность текста определяется его мозаичностью. Текст рекомендуется как нечто такое, в чем принципиально отсутствует смысловая парадигма» [4, с. 77].

Современные критики и литературоведы (среди них следует назвать работы Е. М. Тюленевой, В. А. Беглова) все чаще говорят о доминирующем феномене *пустоты*, проявляющемся как на содержательном плане, так и на уровне субъектной организации текста. Основным способом адаптации во вторичных жанрах становится ориентация на использование в качестве пресуппозиции «чужого слова» (М. М. Бахтин) или «образа литературы в литературе» (В. Е. Хализев). Рассмотрение «вторичных текстов» современной литературы позволяет говорить об определенном соответствии текстовых форм и повествовательных стратегий специфике современного мира, его восприятия и ощущения: «актуализируются явления, демонстрирующие нестабильность с разнообразными формами проявления» [7, с. 5]. Нестабильность оказывается востребованной, когда сомнительными становятся «известное», «базовое». Именно описываемые «вторичные» жанры позволяют продемонстрировать множественность, вариативность интерпретаций, мерцание смыслов, то есть качества, присущие современному миру.

Библиографический список

1. Загидуллина М. Ремейки или Экспансия классики. Ремейк как форма исторической реинтерпретации // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 69. – С. 69–83.
2. Крижовецкая О. М. Нарратология современной беллетристики (на материале прозы М. Веллера и Л. Улицкой) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2008. – 26 с.
3. Лавлинский С. П. Технология литературного образования. Коммуникативно-деятельностный подход : уч. пособие для студентов-филологов. – М. : Прогресс-Традиция ИНФРА-М, 2003. – 384 с.
4. Мехтиев В. Г. Жанр как ценность // Историческая поэтика жанра. – 2009. – Вып. 3. – С. 76–81.
5. Осовский О. Е. «Первичный» и «вторичный» художественный текст в современной русской прозе: ситуация сиквела // Русская литература XX–XXI веков: Проблемы теории и методологии изучения : материалы Третьей Международной научной конференции : Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 4–5 декабря 2008 года / Ред.-сов. С. И. Кормилов. – М. : МАКС Пресс, 2008. – С. 28–34.
6. Руднев В. Словарь культуры XX века : Ключевые понятия и тексты. – М. : Аграф, 1999. – 384 с.
7. Тюленева Е. М. «Пустой знак» в постмодернизме: теория и русская литературная практика : автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – Иваново, 2006. – 34 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Zagidullina M. Remeyki ili Ekspansiya klassiki. Remeyk kak forma istoricheskoy reinterpretatsii // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2004. – № 69. – S. 69–83.
2. Krizhovetskaya O. M. Narratologiya sovremennoy belletristiki (na materiale prozyi M. Vellera i L. Ulitskoy) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Tver, 2008. – 26 s.
3. Lavlinskiy S. P. Tehnologiya literaturnogo obrazovaniya. Kommunikativno-deyatelnostnyiy podhod : uch. posobie dlya studentov-filologov. – M. :Progress-Traditsiya INFRA-M, 2003. – 384 s.
4. Mehtiev V. G. Zhanr kak tsennost // Istoricheskaya poetika zhanra. – 2009. – Vyip. 3. – S. 76.
5. Osovskij O. E. «Pervichnyj» i «vtorichnyj» hudozhestvennyj tekst v sovremennoj russkoj proze: situacija sikelva // Russkaja literatura XX–XXI vekov: Problemy teorii i metodologii izuchenija : materialy Tre'tej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii : Moskva, MGU im. M. V. Lomonosova, 4–5 dekabrja 2008 goda / Red.-sov. S. I. Kormilov. – M. : MAKSPress, 2008. – S. 28–34.
6. Rudnev V. Slovar' kul'tury XX veka : Kljuchevye ponjatija i teksty. – M. : Agraf, 1999. – 384 s.
7. Tjuleneva E. M. «Pustoj znak» v postmodernizme: teorija i russkaja literaturnaja praktika : avtoreferat dis. ... d-ra filol. nauk. – Ivanovo, 2006. – 34 s.

© Сысоева О. А., 2014